

Ка Ти Лин

ТО АН

I ENTERTAIN

К-РОР И ЕГО ДЕМОНЫ

Ка Ти Лин

Тэянг

«РОСМЭН»

2023

Лин К.

Тэянг / К. Лин — «Росмэн», 2023

ISBN 978-5-353-10396-7

Ли Син Хен – обычный парень из бедного района Сеула – с утра до ночи работает на подхвате в крошечном кафе. Единственная радость в его жизни – знаменитая на всю Корею К-POP-группа «Тэянг». Хен знает все песни группы наизусть и мечтает хоть раз увидеть ее участников живьем. Увы, шансы на это стремятся к нулю... До тех пор, пока одна удивительная встреча не дарит юноше надежду на исполнение самого заветного желания. Правда, за это придется заплатить немалую цену. Стоит ли мечта такой цены? Решать только Хену.

ISBN 978-5-353-10396-7

© Лин К., 2023

© Росмэн, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ка Ти Лин Тэянг

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 16+

РОСМЭН

© Ка Ти Лин, текст, 2023

© Макет, оформление ООО «Росмэн», 2023

Глава 1 Славные парни

Угадаете, кто такое говорил: «Музыка? Знаю эту штуку, полный отстой»? Да никто в истории человечества! Музыка нравится всем. Если бы я услышал, что кто-то ее презирает, я бы полез в драку – хотя ладно, вряд ли, это не в моем стиле. Но мысленно я был бы возмущен!

Из-за музыки я и влип в самую невероятную на свете историю. В ней есть магия, любовь, злодеи, одна потрясающая поп-группа и один молчаливый парень.

Молчаливый парень – это я.

Меня зовут Ли Син Хён, мне девятнадцать лет, и я из Сеула, прекраснейшего города планеты. Правда, мой район, Мапо-гу, прекраснейшим никто бы не назвал. Если честно, слово «бедный» было бы его точным описанием, но я слишком люблю его, чтобы обидеть таким грубым словом. Как пели «Тэянг», «дом там, где сердце».

Вообще-то моя любимая группа официально называется «*The Young*», но это звучит так **대양**. Похоже на слово «океан», что все ее сразу так и начали называть: **대양**. Продюсерам даже пришлось сделать второй вариант логотипа на родном алфавите – хангыле и с изображением океанской волны.

Дела у «Тэянг» в то лето шли не лучше, чем у меня. Правда, я работал в две смены, чтобы заработать на еду и аренду квартиры, а они оставались мировыми звездами – но ведь я жил так всегда, а они за пару месяцев потеряли и солиста, и надежду отыскать нового.

– Сынок, ты слишком за них переживаешь, – сказала мама, когда я поделился с ней этими мыслями.

Мы сидели перед телевизором и ели чипсы, выуживая их палочками из гигантского пакета. Наверное, только бедные покупают все в огромных эконом-упаковках, но этой мыслью я с мамой делиться не стал. Я знал, что должен обеспечить ей достойную жизнь, а если не справляюсь, так себе из меня сын.

– Если бы только я умел петь, пошел бы к ним на кастинг, – вырвалось у меня, хотя я планировал оставить это своей страшной тайной. – Я бы как-нибудь пробился туда и...

– Ты отлично поешь, Хён. – Мама отвлеклась от телевизора и ласково глянула на меня. – Не нужна тебе вся эта популярность. Вон, один уже не выдержал.

Я уныло промолчал. Да, Кибома жалко, но популярность мне была очень нужна. Точнее, даже не она сама – хотелось быть успешным в чем-то еще, кроме нарезки овощей.

Из мрачных размышлений меня вывел будильник. Я его заводил, чтобы вовремя выйти на работу, – вдруг засну за сериалом. Наш с мамой распорядок дня можно было включить в учебник здорового образа жизни с подписью «Так не делайте». На работу я выходил в пять утра. Вообще-то кафе открывалось в семь, но босс требовал приходить заранее, а я от страха быть уволенным еще и согласился вместо него утром закупать овощи на рынке. Работал я до вечера, а потом заваливался спать. «Это Корея, детка: почувствуй вес экономических чудес», – гласит один рэп-трек. Нужно трудиться изо всех сил, чтобы оставаться на плаву. Особенно когда у тебя нет ни образования, ни жилья, ни... про главное лучше и не думать.

Мама возвращалась с работы на ночном складе в четыре утра, и я вставал, чтобы побыть с ней часик, пока она не ляжет спать, а я не убегу на работу. Мы просто ели и смотрели телик, но это был лучший час за день: я чувствовал, что кто-то меня любит, и мама, наверное, чувствовала то же самое.

Зевая, я ввалился в свой отгороженный шторкой угол комнаты, оделся попримечнее и коснулся кулаком кулака Пака на постере «Тэянг» – уже пять лет, с момента образования группы, он был моим любимым солистом.

Помните парня из фильма «Бойцовский клуб», которому от недосыпа всякое мерещилось? Вот это точно я: иногда у меня было чувство, что Пак слегка бьет мой кулак в ответ.

Тем летом ребята из «Тэянг» были главными ньюсмейкерами, так что мне даже на работе удавалось перехватить пару новостей о них.

– С вами вестник разбитых женских сердец! – забавлялся ведущий на телеэкране. – Страна продолжает следить за кастингом нового участника «Тэянг», но идут недели, а та самая рыбка до сих пор не попала в невод. У нашего любимого бойз-бэнда выдался трудный год – или, может, последняя пара лет? Пожелаем им успехов!

Далее – видеоряд под романтично-печальную музыку. Красивые юноши, пришедшие на кастинг. Вывеска продюсерского центра «Ай-Интертэйн». Склоненные над списком кандидатов головы продюсера и каких-то двух женщин. Я делал вид, что продолжаю резать овощи, а сам пялился в экран.

– Уже достали с этой группой, – проворчал босс и переключил канал.

Я успел заметить, что девушка, которая завтракала за столиком у окна, тоже расстроилась, что перестали показывать «Тэянг». Когда она случайно встретилась со мной глазами, я улыбнулся и показал взглядом на телевизор. У нее был такой грустный вид, когда она заказывала кофе и жареный рис с яйцом, что захотелось хоть немного ее развеселить. Мне самому всегда становится легче, когда вижу таких же фанатов, как я.

Получилось! Девушка слабо улыбнулась и вдруг показала мне знак сердечка, переплетя пальцы двух рук между собой, – отличительный жест фанатов «Тэянг». Я воровато покосился на босса – вроде не смотрит, – отложил нож и, не снимая перчаток, повторил ее жест. Девушка рассмеялась, глаза у нее засияли, и в мире стало немного теплее.

– Хён! – гаркнул босс, и я подскочил так, что чуть нож себе на ногу не уронил. – Я тебе плачу за то, чтоб ты с посетителями заигрывал?

Я схватил нож и начал резать лук, глядя только на разделочную доску. Будь я похрабрее, обязательно сказал бы ему, что орать на сотрудников в кафе, где готовят на виду у публики, – не лучшая реклама заведения. Но вы наверняка встречали парней, которые все время кланяются боссу и годами не могут попросить прибавку к зарплате? Вот, это снова я.

Прошло часа три, время завтрака сменилось обеденным, и тут я услышал самый интересный разговор за все годы работы в кафе.

Над дверью звякнул ловец ветра, и вошел грузный коротышка. Он заказал еду, ткнув пальцем в меню и не прерывая разговора по телефону. Я начал резать мясо для его бульгоги, одновременно прислушиваясь к тому, что он говорит. Развлечений у меня было мало, так что я проводил день-деньской, наострив уши: интересно же, о чем болтают посетители.

– Все не то! Как в «Тэянг», честное слово. – Ну, после этого слова я тем более не мог перестать слушать. – Мы просмотрели человек семь: кто поет убого, кто на лицо страшный, кто денег много хочет. Сегодня еще несколько парней глянем и сворачиваемся – если никто не подойдет, возьму из тех, кого на днях смотрели. Все, давай, я поесть зашел.

Заговорить с посетителем, да еще после утреннего окрика босса, было немислимо, но если я верно понял, этот человек...

– Господин, – неуверенно позвал я и согнулся в поклоне.

Поклон получился довольно кривой из-за того, что мужчина сидел в дальнем конце стойки, а я боялся отойти от разделочной доски. Мужчина поднял раздраженный взгляд, и у меня сердце ушло в пятки. Наглость, конечно, второе счастье, но у меня с ней не складывалось.

– Простите, что беспокою. – Я не разгибался и не поднимал глаз, чтобы смягчить свою дерзость. – Но я случайно услышал... Вы набираете людей в музыкальную группу?

– Ищем солиста, – сурово ответил гость. – Как там мой бульгоги? Я спешу.

– Почти готово. Дело в том, что я пою, и... Я мог бы принять участие в кастинге?

Гость уставился на меня, нахмурив мохнатые брови. В американских фильмах про Голливуд работники кафе и пляжей иногда становятся актерами. Но в Корее к любой карьере положено готовиться с юности и посвящать ей всего себя, поэтому никто не ждет от парня в полиэтиленовой шапочке, перчатках и фартуке, что он вручит тебе свое портфолио. Тем более у меня и портфолио никакого не было.

– Я... я неплохо пою, так... – У меня чуть не сорвалось с языка «мама говорит», но я вовремя спохватился: – Так люди говорят.

– Покажи.

– Э... здесь?

Других посетителей не было. Я воровато огляделся в поисках босса, но тот, оставив гриль-сковороду прогреваться, отошел в подсобку за приправой. Все складывалось в мою пользу.

– Легко сказать, что хорошо поешь, – грубо сказал гость. – Труднее спеть. Ну?

Как бы я хотел быть храбрецом, который на такое способен! Гость еще несколько секунд смотрел на меня, затем поднялся, упираясь здоровенными руками в стойку. Я попятился.

– Группа так себе, ничего особенного. Называется «Славные парни», играют в барах каверы на чужие хиты. Я продюсер, у нашей фирмы таких групп несколько. Мы предлагаем их на корпоративные вечеринки, а туда нужны симпатичные парнишки, тогда женщины хорошие отзываются. Ты очень даже ничего, так что, если умеешь петь, пой прямо сейчас.

Я поклонился так, что чуть не врезался лбом в стойку. Мне еще никогда не говорили, что я «очень даже ничего». Что же спеть? Надо просто решиться, набрать в грудь воздуха и... Но тут из подсобки вышел босс с банкой приправы, и язык у меня прилип к небу. Петь на глазах у босса? Нет, не могу, правда не могу, он меня потом насмешками изведет.

– Разрешите, я зайду на кастинг позже? – прошелестел я, чтобы услышал только гость.

– Ну ты и трус, парень, – хмуро ответил он. – В армии еще не служил? Трудно там будет такому, как ты. Ладно, дам тебе второй шанс. – Он вытащил из рюкзака ручку и нацарапал что-то на бумажной салфетке. – Это адрес бара, где состоится последнее прослушивание. Сегодня в восемь, ни минутой позже.

Смена у меня заканчивалась в девять. Я приоткрыл рот, но не издал ни звука. Гость толкнул салфетку ко мне и пошел к выходу.

– Эй! А бульгоги? – крикнул босс ему вслед.

– Appetit пропал, – бросил гость и вышел за дверь.

Босс медленно повернулся ко мне:

– Что ты тут устроил?

– Ничего, простите, ничего, он просто...

– Это ты с ним тут ляды точил! Клиента отпугнул! Цену бульгоги из твоей зарплаты вычту, понял?

Вообще-то мы говядину еще и жарить не начали, но протестовать не хватило духу, и я кивнул. На салфетку босс, к счастью, не обратил внимания, и я сгреб ее со стойки, сделав вид, что убираю мусор. «Улица Дасан-ро, 5, бар „Лисий хвост“, 20:00». Я вытащил телефон, чтобы проверить, где это. Далеко, почти в центре.

В кафе зашла шумная компания рабочих с ближайшей стройки – они часто приходили к нам пообедать. Я тут же переключил телик на спортивный канал. Босс о таких мелочах не думал, а я давно заметил: они часто обсуждают результаты футбольных матчей и всегда радуются, когда на экране спорт.

Гости одобрительно засвистели, босс бросил на меня тяжелый взгляд, но промолчал. Салфетка с адресом бара грела меня сквозь карман. У меня сегодня будет первое в жизни прослушивание! Что спеть? И главное, как доехать вовремя?

В шесть часов я решил, что утренние инциденты исчерпаны, и с поклоном обратился к боссу.

– Господин. – Я давно уже понял: это обращение ему нравится. – Мне нужно уйти на два часа раньше.

Никогда еще о таком не просил, даже в голову не приходило. Работа есть работа.

– Зачем?

Придумать какую-нибудь ложь заранее я не сообразил, так что брякнул как есть:

– Иду на прослушивание в музыкальную группу. Я не успею добраться, если...

– Ну нет, это несерьезно. В конце смены могут еще прийти клиенты. Как я обслужу их один?

«Один раз сами все нарежете, клиентов у нас не так много», – подумал я. Вообще-то моя задача как помощника была подготовить продукты, чтобы повар мог быстро собрать из них лапшу, суп или онигири. Но мой скупой босс других работников не нанимал и готовил сам. Я делал все остальное: убирал зал, мыл посуду, подавал еду клиентам и следил, чтобы на их столах не задерживались пустые тарелки, а платили мне лишь за должность помощника.

– Господин, мне очень нужно уйти на два часа раньше, – твердо сказал я, вдохновленный несправедливостью своего положения.

– Тебе-то, может, и нужно, да только ты на этом прослушивании никому не нужен. То, что ты пускаешь слюни, глядя на айдалов, и не слишком ужасно поешь, певцом тебя не делает. Держись за рабочее место покрепче, а то быстро тебе замену найду!

У меня невольно сжались кулаки. За три года работы здесь я никогда не отлынивал, приходил задолго до начала первой смены и задерживался после второй. Конечно, из-за того, кто я такой, шансов на хорошую карьеру у меня не было, и все же капельку уважения я своим трудом заслужил. Но сказать все это вслух у меня язык бы не повернулся, и босс это знал. Иногда мне казалось, он наслаждается тем, что я готов выполнить любой его приказ.

– Когда-то и я мечтал в университете учиться, – снисходительно сказал босс. Он уже понял, что выиграл спор. – Но это все просто дурацкие мечты. Чтобы поступить, нужно готовиться, а это дорого. Певцов вообще с детства таскают по всяким учебам. Хватит фантазировать, иди работай! Не видишь, сколько посуды накопилось?

Я уныло начал загружать посудомоечную машину. Но в семь часов, дождавшись, когда босс скроется в подсобке, я выскочил на улицу, не давая себе времени передумать. В зале сидели посетители, и они проводили меня удивленными взглядами, но я только втянул голову в плечи и помчался к метро. Пятнадцать станций, потом пересесть на линию пять и... И тут раздался звонок телефона.

«Хён! – гаркнул босс. Сбросить вызов я не решился. – Либо возвращайся, либо уволен! Да как ты к работе относишься?! Бесишь меня третий раз за день!»

На заднем плане слышались негромкие голоса посетителей: босс, конечно, орал в телефон прямо при них. Я злорадно подумал, что, может, готовит он и отлично, но почтительность к гостям – не его сильная сторона.

«Если через пять минут тебя тут не будет, прощайся с работой, – резко сказал босс. – Я не шучу».

Он завершил вызов, я по инерции пробежал еще несколько шагов и остановился посреди улицы. Станция метро уже маячила впереди. Я смотрел на нее тоскливо, как путник, который замерзает зимой в горах и понимает, что уже не доползет до спасительного огонька.

Мы с мамой снимали квартиру в обшарпанном трехэтажном домишке, своей у нас не было. Ее родня жила на другом конце страны, и мы постоянно посылали деньги ее матери и сестре, хотя я никогда их не видел. Мне казалось, так мама заглаживает вину за то, что опозорила семью.

Если меня уволят, что я ей скажу? Я и так не могу обеспечить нам приличную жизнь, а тут... Я еще раз глянул на вывеску «Станция Синчон», сиявшую вдалеке, и побрел обратно. Потерять то, что имеешь, куда страшнее, чем отказаться от мечты, – так устроена жизнь, не осуждайте меня.

Когда смена закончилась, я все равно поехал в бар «Лисий хвост». Прослушивание наверняка затянулось, вдруг успею? Когда я добрался, было всего-то десять: всех желающих вряд ли посмотришь за два часа!

Бар был дорогой и тихий: темные стены, растения в кадках, тихий джаз в записи и ничего похожего на отбор кандидатов в группу. Тут не было даже уголка для живой музыки, это я сразу заметил: с тех пор как мне стукнуло девятнадцать и мне стали продавать алкоголь, я уже несколько раз ходил в бары с живой музыкой – это гораздо дешевле, чем концерт.

– Извините. – Я поклонился бармену. – Прослушивание в группу «Славные парни» уже закончилось?

Тот посмотрел на меня с легким презрением: я был одет и пострижен совсем не так классно, как остальные присутствующие.

– Какое прослушивание? У нас не выступают музыкальные группы.

Мне тут же захотелось провалиться сквозь шикарный паркетный пол, но я поборол робость и дрожащей рукой протянул бармену салфетку. Тот брезгливо взял ее и прочел надпись.

– Да, это наш бар, но никаких «Славных парней» тут в восемь не было. Над вами кто-то подшутил.

Я вытащил телефон и вбил в поиск группу «Славные парни», хотя вообще-то надо было это сделать еще днем. «Славные парни» существовали и вели страницы в соцсетях. Значит, тот человек, наверное, врал не во всем: он их продюсер, и прослушивание действительно было, только в другом баре. Ну зачем он так поступил?

– Извините. – Я привычно отвесил поклон. – Это я сам ошибся.

– Выпить закажете?

Такие заведения мне не по карману, и я покачал головой, вымучив улыбку.

– В другой раз. У вас тут красиво, и джаз классный играет.

Работникам всегда приятно, когда хвалят их заведение.

Уже сгустилась ночь, но тут, в центре города, темноту разгонял свет ярких вывесок и сотен сияющих окон. Я прошел два квартала, даже не заметив, что все больше удаляюсь от нужной мне станции метро.

А потом мои ноги остановились сами собой. С сияющего рекламного экрана на меня смотрел Пак из «Тэянг». Ничего удивительного, его лицо повсюду: он был визуалом группы, самым красивым участником, который представлял ее в рекламных контрактах. Пак много чего рекламировал: крупнейший бренд мобильной связи, одежду, леденцы, косметику для ухода за волосами и кожей – хотя, даже купив все кремы мира, невозможно было стать таким, как он.

Пак был не просто красивым, он был как древние небожители. Идеальное, одухотворенное лицо, смотришь на него и чувствуешь надежду, покой и счастье. И это был не фотешоп – судя по видео в соцсетях «Тэянг», Пак был таким, даже когда его снимали на телефон в пять утра.

И еще знаете что? При взгляде на многих айдалов сразу становится ясно, какую пластику они делали, потому что не бывает таких тонких носов и широко распахнутых глаз. А Пак выглядел совершенно естественно. И главное, невозможно было подделать это выражение глаз: печальное, будто Пак знает, какой бывает жизнь, и посылает грустный привет всем, кому тяжело и одиноко.

Этот взгляд сражал меня наповал каждый раз, даже сейчас, когда сопровождался широкой улыбкой и надписью «Зубная паста 2080 – зубы белее белого».

Я смотрел Паку в глаза, глупо моля его спасти меня и превратить из неудачника в крутого парня. Пак не ответил, вместо него на экране появилась женщина, рекламирующая кредитные карты. Я вздохнул и завертел головой в поисках ближайшей станции метро, мысленно пообещав себе, что куплю бургер в награду за все горести. Нельзя отчаиваться, иначе жизнь станет совсем тоскливой.

На этом день, полный невеселых приключений, и должен был закончиться. Я бы вернулся домой, лег спать, встал в четыре, чтобы посидеть с мамой, и пошел бы на работу.

Но не тут-то было.

Глава 2 Лис

Прохожий подсказал мне дорогу к метро, и я неприкаянно брел по переулку, слишком депрессивному для центра города. Здание вдоль одной стороны затянута сеткой то ли давно тянущегося, то ли заброшенного ремонта, напротив – жилые дома и пара убогих магазинчиков. Типичный Сеул: роскошь соседствует с бедностью.

За одним из окон кто-то играл на синтезаторе. Я остановился – меня с детства любая музыка влекла как магнитом.

– Музыка чудесна, правда? – спросил кто-то у меня за спиной, будто мысли мои прочел. Я резко обернулся. Наш район любого научит держать ушки на макушке.

Тот, кто произнес эти слова, хулиганом не выглядел. Красивый молодой мужчина с безупречной стрижкой, одет в ханбок – национальную одежду, которую разве что в Новый год на улице увидишь. Белая рубашка с длинным рукавом, широкие темные штаны, перевязанный поясом синий халат с вышивкой. Правда вместо традиционной обуви, с которой положено носить ханбок, на ногах у него были шикарные кроссовки, такие белые, словно он в них с подиума сошел. Наверное, этот парень ходил на вечеринку с национальным дресс-кодом, а теперь ждал такси.

Улицу он для этого выбрал так себе: ни прохожих, ни машин. Я поклонился ему и собирался тихонечко удалиться, когда парень мягко произнес:

– Уделишь мне минутку, Ли Син Хён?

По телику я слышал, что в мозгу человека есть целая область, отвечающая за страх. Так вот у меня эта область немедленно запыльхала, как солнце, и в дополнение заорала сиреной.

– Ну-ну, – ободряюще сказал незнакомец.

Он, похоже, ждал, когда до меня что-то дойдет. И до меня дошло. Парень стоял прямо под ярким белым светом уличного фонаря, отбрасывая на ближайшее здание совсем не человеческую тень. Вглядевшись, я сдавленно вскрикнул и бросился наутек.

– Какой скучный и предсказуемый страх, – сказал незнакомец, возникнув у меня на пути.

Говоря «возникнув», я имею в виду именно это: секунду назад я бежал по переулку, подвывая от ужаса, а парень в ханбоке стоял у меня за спиной, и вдруг – хоп! – он уже передо мной. Я еле успел затормозить, чтобы в него не врезаться.

Я надеялся, что хоть кто-нибудь появится в переулке, тут-то я к ним и брошусь за спасением, но никого не было. Так всегда происходит в ужасниках, когда героя вот-вот сожрут.

– Не надо, – прохрипел я, ни на что особо не надеясь.

Когда эти слова останавливали хоть какую-нибудь жуткую тварь? Чтобы убедиться в том, что мне конец, я заставил себя еще раз глянуть на стену, где фонари подсвечивали тень незнакомца – может, показалось? Увы. При первом взгляде я решил, что это какой-то осьминог, теперь же стало ясно, что тень больше похожа на собаку, вокруг которой закручиваются щупальца. Я зажмурился и приготовился к смерти.

– Хоть бы поорал для порядка или, не знаю, дрался. Что за скука! – раздраженно произнес незнакомец.

Я приоткрыл глаза. Казалось, сердце сейчас ребра проломит, но все же... Когда кто-то хочет тебя убить, он же не будет говорить, что ты скучно боишься, ведь правда, да? Но если он маньяк...

– Ли Син Хён, – рассердился незнакомец. – Разуй глаза, взгляни еще раз на мою тень и оцени удачу, что пришла к тебе.

Послушно уставившись на тень (что еще мне оставалось?), я понял, что щупальца все-таки не совсем щупальца: слишком воздушные и мягкие на вид, даже, пожалуй... мм... слово «пушистые» подошло бы идеально, если бы не было слишком милым для сверхъестественной тени.

Это не щупальца. Это хвосты. Собака с кучей гигантских хвостов, которые растут из ее пушистого зада и плавно изгибаются в разные стороны. Или даже, пожалуй, не собака. Острая морда, острые уши. Лисица! А лиса с кучей хвостов – это...

– Когда-то людям не приходилось тупить по полчаса, чтобы узнать свою удачу, – с ноткой презрения сказал незнакомец, и я медленно повернулся к нему.

Девятихвостый лис. Кумихо. Сказочное существо, оборотень, от которого добра не жди. Начать, конечно, следовало бы с того, что их просто не бывает, но тень на стене выглядела поразительно настоящей.

– Какую удачу? – пролепетал я. – Вы... вы же пожираете сердца мертвых, бродя по кладбищам.

Незнакомца аж перекосило, словно он лимон откусил.

– Фу, как негигиенично и неприятно. И бессмысленно. Сердца мертвых мне без надобности.

Тут я вспомнил еще одну сказку, от которой легче мне не стало. Юношу соблазнила прекрасная девушка, которая потом оказалась девятихвостой лисой и проглотила его душу.

– Вас же не бывает, – жалобно произнес я и сразу понял: реплика бесполезная.

– Можно мы пропустим ту часть, где ты считаешь меня своим бредом? Я и так уже от скуки умираю.

Почему-то недовольство на его лице окончательно убедило меня, что он настоящий. Мое воображение просто не сумело бы создать сказочного кумихо в ханбоке и кроссовках, который еще и бесится оттого, что в него не верят.

– Разрешаю звать меня просто Лис, – сказал Лис, будто почувствовав, что беседа вышла на новый уровень. – И на «ты». Я перерос возраст, когда меня приятно будоражило поклонение.

– А... а сколько тебе? – прошелестел я.

То ли из сказки, то ли из какого-то мультика я помнил, что кумихо, то есть оборотнем, может стать любая лиса, которая доживет до тысячи лет.

– Хён, – серьезно ответил Лис. – Тебя не это сейчас должно волновать.

Мой взгляд то и дело притягивала сверхъестественная тень на стене, но Лис-человек пугающим не казался. Зрачки совершенно обычные, взгляд – человеческий, запах – тоже. Он стоял так близко, что я улавливал нотки дорогих духов. Интересно, оборотни ходят по магазинам или заказывают все онлайн?

– У меня времени-то не вечность, – раздраженно сказал Лис. – К делу, Хён. Видя твои бедствия, я пришел тебе на помощь, так что лови-ка удачу за хвост. Точнее, за все девять. Я хочу тебе кое-что подарить.

Вот уж чего-чего, а подарков я в легендах о кумихо не помнил: в основном там было про соблазнение, убийства и пожирание сердец тех, кого удалось завлечь в сети греха. Я решил, что пора спасаться, только как-нибудь по-умному, вежливо и учтиво, – кому охота разозлить оборотня?

– Благодарю тебя за щедрость, господин, – дрожащим голосом выдавил я, склонившись в поклоне. – Я счастлив, что мне выпала удача тебя встретить, но... но... – На ум не приходила ни одна отговорка, и я брякнул: – Но мне пора, я должен успеть на... поезд. Рад был поговорить!

И я бросился бегом по переулку, стараясь держаться подальше от стены, на которой чернела тень Лиса. А вдруг она живая и может меня сожрать? Я надеялся, Лис поймет, что мне ничего от него не надо, но, увы, зря.

– Куда же ты? – Он снова возник у меня на пути, и я обреченно остановился. – Хотя бы выслушай. Я не желаю тебе зла. Неужели ты думаешь, что такое всесильное существо, как я, стало бы возиться с тобой, если бы хотело навредить? Я бы стер тебя в пыль, но я ведь этого не делаю. – Тень на стене качнула девятью хвостами. – Просто я увидел, как трудно тебе живется, и решил помочь. Мне тоже никогда не было нигде места. – Лис сжал мое плечо, и я едва сдержался, чтобы не отпрянуть. – Люди своими глупыми историями подпортили мне репутацию. Разве с тобой случилось не то же самое? Я знаю, почему тебя презирают, хотя ты ни в чем не виноват, как и я. Ты пострадал за грехи родителей, я – за то, что умею превращаться. Люди травят всех, кто на них не похож.

Ладно, признаюсь, я растаял. Никто, кроме мамы, не говорил со мной так понимающе и ласково. И еще Лис был невероятно хорош собой, хотя, конечно, Пак для меня все равно красивее.

– Мне подвластно многое, и вот тебе мой подарок, – важно произнес Лис. Он шагнул еще ближе ко мне, и тень на стене тоже сделала шаг вперед. – Ты хочешь пройти кастинг в ту группу, которая тебе нравится?

– Я... не знаю, нравятся мне «Славные парни» или нет, я же их не слышал, – пролепетал я: почему-то мой ошарашенный мозг уцепился именно за эту информацию.

Лис нежно засмеялся – будто колокольчики зазвенели.

– О нет, Хён, я не о «Славных парнях». Их, кстати, даже не существует. Я о твоей любимой группе «Тэянг». Хочешь выиграть их кастинг?

В каком смысле «не существует»? В каком смысле «выиграть кастинг в „Тэянг“»? Что за бред! Я мотнул головой, обошел Лиса и без всякого драматического накала зашагал дальше

по переулку, туда, где мерцали огни машин. На этот раз Лис не вырос у меня на пути, просто крикнул вслед:

– Не ври, что в глубине души не мечтал об этом, я чувствую желания! Ну же, Хён, не будь трусом, я уже в третий раз даю тебе шанс, четвертого не будет!

Пока он говорил, его голос изменился, стал низким и хриплым. Не в силах побороть любопытство, я обернулся. На месте Лиса стоял продюсер «Славных парней» – тот грузный коротышка, который ушел из кафе, не заплатив за бульгоги.

– Я тебя испытывал, – сказал коротышка. – Ты побоялся спеть в кафе, побоялся уйти с работы пораньше. Тебе раз за разом дают шанс, но ты слишком робок и жалок, чтобы хоть чем-то рискнуть. – Он снова направился ко мне. Я неподвижно стоял на месте. – А сейчас тебе дарят исполнение мечты, такой заветной, что ты даже сам себе в ней не признаешься всерьез. И ты просто уходишь? Начинаю думать, что ты заслужил свою убогую жизнь. – Коротышка опять превратился в красавца в ханбоке и кроссовках. – Все, я уйду?

– Ты ведь что-то попросишь взамен, – негромко сказал я. Может, я и трусливый лопух, но не идиот. – Ты – кумихо. Зачем тебе кому-то помогать?

– Говоря словами вашего века, это мой благотворительный проект. – Лис поправил бело-снежный рукав. – Но ты прав, я кое-что попрошу. Сущий пустяк, не сравнить с тем, что ты выиграешь.

Ну началось.

– И что же? – сдавленно спросил я.

Лис мягко отмахнулся, давая понять, что это мелочь, не стоящая упоминания.

– Я хочу то, чего у тебя еще нет. Не бери в голову, если ты согласишься на нашу сделку, я заберу это позже.

Сделка, а не подарок. В университете я не учился, но разницу любой поймет. Вот после таких сделок и рождаются сказки, в которых герои под конец умирают, и некому их оплакать, потому что сами, дураки, виноваты.

– Лучше я останусь бедным, но сохраню свою душу, – заявил я.

Священник нашей церкви мог бы мной гордиться. Пожалуй, немного театрально получилось, но я хотел, чтобы до Лиса дошло: я его насквозь вижу. Сожрет мое сердце и не подавится.

– Ну брось. Я же знаю, ты не ради денег, жадность – не твой порок, – пожал плечами Лис, ничуть не впечатленный твердостью моей воли. – Твой порок – трусость. Но разве ты не хочешь, чтобы музыка стала твоей жизнью? Разве не хочешь увидеть Пака так же близко, как меня, поговорить с ним? На афиши-то любой может облизываться, тут храбрость не нужна.

Ох, вот это был, конечно, удар ниже пояса. При словах «увидеть Пака» у меня перехватило дыхание. Я даже мечтать о таком не смел.

– У меня нет голоса, – сдавленно пробормотал я, хватаясь за последний аргумент. Остатки здравого смысла уже уносило волной под названием «увидеть Пака». – Мама когда-то привела меня в музыкальную школу, и там сказали, у меня нет вокальных данных.

– Зато у тебя отличный слух, и поешь ты вполне приятно.

Да откуда ты знаешь, тварь потусторонняя?! Я внезапно разозлился. Как он смеет все обо мне знать? Я бессильно опустился на крыльцо какого-то закрытого магазина. Темную витрину украшала реклама дешевого рамена в стаканчиках.

– Этого недостаточно, чтобы попасть в «Тэянг», – огрызнулся я. Мы что, всерьез это обсуждаем? – Надо еще уметь танцевать, и...

В знак заключения сделки Лис протянул мне руку с оттопыренным мизинцем. У него были очень красивые руки, бледные, с чистыми, аккуратно постриженными ногтями – никаких демонических когтей. Я руку в ответ не протянул.

Работая в кафе, я годами изучал людей и легко определял прожженных дельцов, у которых на уме только бизнес. Один из них стоял сейчас передо мной, я читал это в его глазах, просто слишком робел, чтобы сказать вслух.

– Твоя мать за гроши выбивается из сил на жалкой работенке, – негромко сказал Лис, продолжая протягивать руку. – Такой, как она, трудно рассчитывать на что-то большее. Она так и будет пахать там, пока не умрет от инфаркта из-за вечного недосыпа. Ты должен согласиться. Ради своей матери, ради себя и ради музыки.

Какая бессовестная, дешевая манипуляция! Я поднял на него тяжелый взгляд. Встал. Сделал несколько шагов по переулку. Вернулся, сжимая кулаки, – не в знак угрозы, а чтобы рука не потянулась к руке Лиса. Мне так хотелось согласиться, что в животе ныло. Лис сердечно взял меня за плечи.

– Позволь мне поделиться с тобой знанием, которое я обрел за долгую жизнь: чтобы увидеть звезду, надо открыть глаза. Большинство людей понятия не имеют, какие они, и стараются не попадать в ситуации, где можно выяснить, ужасны они или великолепны. А может, и то и то. Легко быть праведником, когда никто не зовет тебя погрешить! Ты всю жизнь избегал риска – и что это тебе принесло?

Лис снова протянул мне мизинец, и я вспомнил свой любимый момент из одного клипа «Тэянг»: взгляд Пака прямо в камеру. Я этот момент раз сто пересмотрел – Пак глядел с такой искренней яростью и печалью, будто и он, успешный и прекрасный, знает, какой жестокой бывает жизнь. Я понимал, что это лишь картинка, хорошая режиссура, и все же ради этих двух секунд я проматывал клип назад снова и снова. Мне казалось, что Пак смотрел прямо на меня, и это был взгляд человека, у которого есть душа.

И вот теперь я говорил себе, что соглашаюсь ради мамы, ради музыки и своего будущего, но на самом деле соглашался, чтобы посмотреть в эти глаза напрямую, а не через экран.

Я медленно поднял руку и переплел свой мизинец с прохладным мизинцем Лиса, а потом коснулся большим пальцем его большого пальца. Знак нерушимого обещания.

– Дарю тебе голос, равного которому нет на свете, – торжественно произнес Лис, не расцепляя наших рук. – Теперь ты.

– Обещаю отдать тебе то, что ты попросишь, – хрипло сказал я.

По лицу Лиса расплзлась улыбка. Чувствуя себя каким-то особенно незащищенным и глупым, я пропел строчку из модной песни. Получилось так же, как обычно.

– Не так быстро, Хён. Голос должен проникнуть в тебя, я не фокусник. Да и вообще надо все сделать так, чтобы в плане не было дыр, а для этого я должен спокойно поколдовать. Раньше создавать иллюзии было проще – человека знали только те, кто знал его лично, а теперь надо еще и в интернет сведения добавить. – Лис самодовольно усмехнулся, от его раздражения и следа не осталось. – Но ты ведь искал «Славных парней» в Сети? Нашел, верно? Иду в ногу со временем.

Я мотнул головой. Мне было как-то нехорошо, будто температура резко подскочила. Накатила тошнота и озноб. Может, оборотни ядовиты, и прикосновение к ним смертельно?

– Иди домой и ложись спать, – приказал Лис. – Я свою часть сделки выполню, не беспокойся. Остальное зависит от тебя. Метро вон там.

Почувствовав мягкий толчок в спину, я куда-то побрел, не разбирая дороги. Сквозь туман в глазах различил вывеску станции. Еле вспомнил, в каком кармане лежит проездной и как его приложить к турникету. Ни о чем пожалеть не успел – все казалось слишком нереальным, будто привиделось в бреду. Вдруг я заразился каким-нибудь ужасным вирусом, и он теперь уничтожает мой мозг?

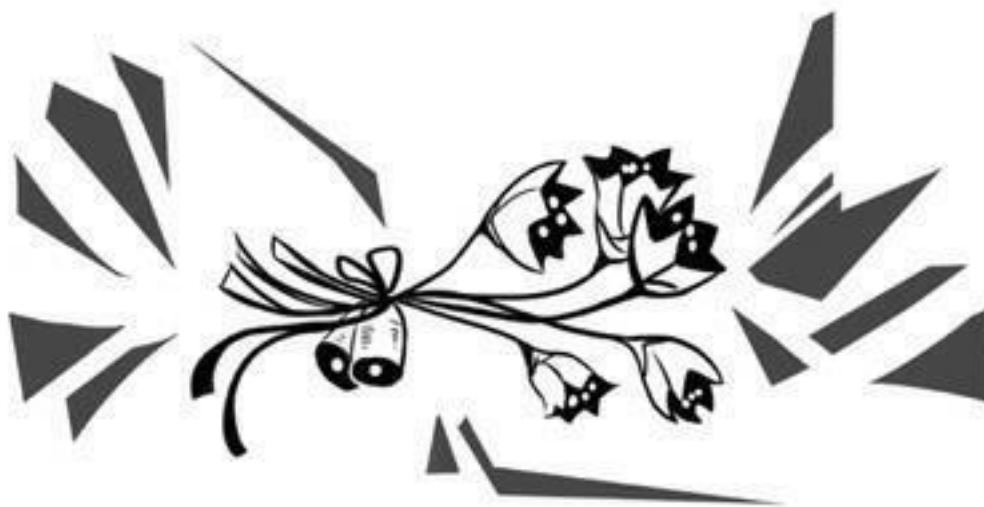
С трудом соображая, что делаю, я перешел на другую линию. Доехал до своей станции, сто раз повторив про себя ее название, чтобы не пропустить остановку. Выбрался на воздух и

побрел домой. В голову пришла идиотская мысль: если я и правда говорил с волшебным Лисом, тот мог бы проявить любезность и подвезти меня домой. Уверен, у него шикарная тачка и...

Я растянулся во весь рост, споткнувшись о гнилой кукурузный початок, валявшийся на земле. Кряхтя, как старый дед, поднялся, различил в тусклом свете фонарей наш дом и бросился к нему. Мама, конечно, была еще на складе. Когда я включил в пустой квартире свет, он ударил по глазам так, что они едва не лопнули от боли.

Чтобы почувствовать себя лучше, я залил кипятком самый острый рамен, какой нашел в шкафу, съел его и завалился спать. Мне показалось, матрас поглотил меня, как зыбучие пески в кино.

«Я умру», – подумал я. Но, конечно, не умер.

Глава 3 Золотой голосок Сеула

Обычно я всегда просыпался в полутьме, задолго до рассвета, так что ударивший по глазам свет меня ошарашил. Я заморгал, с трудом соображая: все хорошо, я – на своем матрасе, далекий прямоугольник окна подсвечивает родную клетчатую шторку, отделяющую мой спаль- ный угол. Какое солнечное утро! Значит, снова будет жаркий день.

Я подскочил. Стоп! Раз уже так светло, значит, я не просто проспал и не посижу с мамой перед теликом, я уже и на работу опоздал! Как я мог забыть поставить будильник! Вскочив как ужаленный, я отдернул шторку – и замер.

Гостиная была такой же, как всегда, но мебели у нас мало, так что взгляд сразу упал на столик у телевизора. Там обычно валялся всякий мусор: пустые пачки от чипсов, стаканчики из-под кофе, картонные тарелки от пиццы. А сейчас столик был застелен скатертью, – да у нас в доме вообще скатертей нет! – и на нем были расставлены штуковины, совсем не похожие на мусор. Я опасливо подошел.

Кубки. Статуэтки. Награды. Фотография в рамочке: ребенок, в котором я узнал себя лет десять назад. Я гордо позировал в костюмчике с галстуком-бабочкой (у меня такого в жизни не было), рядом улыбалась мама в платье (она ходит только в брюках). Маленький я сжимал кубок, который сейчас стоял рядом с фотографией. «Золотой голосок Сеула-2013», – гласила надпись

на его фальшиво-золотом боку. Я нахмурился и снова принялся рассматривать фотографию, только сейчас сообразив, что меня в ней смущает.

Я видел эти улыбки на совсем другой фотографии, которую мы сделали во время поездки в Национальный парк Сораксан. Там на нас была другая одежда, а стояли мы на фоне каменного медведя. Мне представилась дурацкая сцена: ночью к нам в дом влезает сказочный Лис, вырезает наши с мамой головы из старой фотки и клеит их на изображение каких-то других людей из интернета. Я бросился к полке: фотография из парка была такой радостной, что мама ее распечатала и хранила как закладку в Библии.

Фотографии не было. Библии тоже. Я перебрал книги на полке: нашлись все, кроме нее. Вчерашний вечер наконец склеился у меня в голове из отдельных бредовых фрагментов в единую ужасную картину. Не может быть: я что, реально продал душу, или что он там попросит в обмен, оборотню?

Я вцепился руками в волосы. Кто-то из вас наверняка испытывал подобное: живешь простым, но праведным человеком, который честно трудится и даже мусор мимо корзины не бросает, и вдруг творишь что-то такое самолюбивое и грешное, что аж спина холодеет. В ужасе думаешь: «Я не такой!» – но ты, похоже, именно такой.

Из кухни доносился звон посуды, и я бросился туда.

– Мама! – отчаянно крикнул я. – Ты не поверишь, что я сделал, мне так жаль, там был Лис, ну, кумихо, и он мне сказал, что...

– Ты про игру свою какую-то, что ли? – Мама потрепала меня по плечу, второй рукой закрывая кран. – Напугал!

– Кажется, я продал ему душу, – пролепетал я, с трудом оторвавшись от ее плеча. Что еще ему может быть надо! – За голос. А голоса даже нет. Вот, слушай.

Я пропел строчку из песни «Тэянг» «Океан любви» и ошарашенно замер. От удовольствия у меня аж уши вздрогнули. Я медленно повторил строчку и отстраненно подумал, что за концерт человека, который так поет, я не пожалел бы денег.

– Мама, – выдохнул я. – Я могу петь!

Таких нот я еще никогда не брал и думал, что она будет поражена, но мама фыркнула и понесла чистые миски на стол.

– Не пойму, выпил ты вчера или перегрелся, Хён. Садись-ка завтракать, я рис поджарила.

Значит, Лис подправил ее память и она думает, что я всегда мог так петь. От этого мне вдруг стало больно. Мы с мамой всегда делились друг с другом радостями и проблемами, но вот сейчас такое случилось, а я даже не могу ей ничего объяснить. Я пропел еще одну строчку из песни «Тэянг», получилось опять блестяще, мне прямо неловко стало, что такой идеальный голос вырывается из моего горла. Вроде бы мой тембр, но диапазон расширился раза в три, и все стало лучше: сила, подача, точность. А еще в голос будто добавили щепотку волшебной пыльцы, и он стал таким... Как же объяснить? Словно уши тебе гладят не то лепестком цветка, не то теплым боком пушистого кота.

– Мам, – жалобно позвал я. – Слышишь, как я пою?

– Как обычно, лучше всех, – гордо ответила она, заваривая чай.

Я судорожно вытащил из кармана телефон и полез в аккаунт «Тэянг». Вот будет номер, если они уже выбрали нового участника! Последнее видео было выложено вчера вечером – Пак и Джо валяются на диване в танцевальной студии, пока Линхо неутомимо танцует перед зеркалом один. Судя по унылым лицам всех троих, никаких потрясающих новостей о камбэке группы, которая из-за отсутствия участника уже два месяца на паузе, не поступало.

От вида этих троих раскаяние в грешной сделке немедленно меня покинуло. Я же могу теперь оказаться прямо там, с ними!

И тут до меня дошло: Лис не сказал, что я как-то автоматически стану участником группы. Он лишь сказал, что голос поможет мне пройти прослушивание. Вот жуть: я же

понятия не имею, где проходит это прослушивание и как туда попасть! «Я свою часть сделки выполню, остальное зависит от тебя», – бросил мне Лис, и теперь я его понял.

– Ладно, – пробормотал я и яростно застучал по экрану, вбивая в поиск: «Тэянг прослушивание где».

«Продюсерские центры со всей страны направили в концерн „Ай-Интертэйн“ видео своих стажеров, – рассказывала статья на сайте „Музыкальная Корея“. – Финалистов пригласили на прослушивание в главный офис концерна».

Следующий запрос: «Ай-Интертэйн главный офис адрес».

Ответ: «„Диджитал Медиа“, здание Сиот».

Спасибо, интернет! В «Диджитал Медиа» я никогда еще не бывал – это квартал новеньких бизнес-зданий, где расположены офисы телеканалов и радиостанций. Сердце у меня колотилось как бешеное, а в остальном вчерашнее недомогание как рукой сняло.

Я рванул к входной двери, на ходу проверяя телефон: так спешил узнать новости о «Тэянг», что только сейчас заметил пять пропущенных вызовов и шесть новых сообщений. Все от босса.

06:11 Хён, ты где?

06:20 Хён! Ты проспал? Ни тебя, ни продуктов!!

06:25 Перезвони, или я тебя уволю!

06:31 УВОЛЕН

06:42 Хён, немедленно иди на работу!

06:56 Теряю терпение! Поговорим, когда явишься!!

Сейчас на часах было одиннадцать сорок. Я сжал телефон так, что ладонь вспотела. Мне впервые пришло в голову, что угрозы босса не обязательно закончились бы увольнением.

– Ты куда? А завтрак? – крикнула мама мне вслед.

– У меня прослушивание! – сам себе не веря, ответил я.

– А, ну ладно, – сказала мама.

На миг мне стало грустно. Еще вчера мама воскликнула бы: «Что? Прослушивание? Не может быть, расскажи!» Но я велел себе об этом не думать и сломя голову помчался на улицу.

Начиналось жаркое, влажное лето, и воздух прямо лип к коже. Каждый, у кого был осушитель, врубал его на всю катушку, чтобы дом не зарос плесенью. Идешь по улице в выходной, и отовсюду доносится тарыхтение стареньких приборов.

Особенно хорош был осушитель у деда, который жил в конце нашей улицы, в крохотной пристройке к чужому дому (уверен, давным-давно появлению его жилища сопутствовала какая-нибудь крутая история). Древний куб с толстым проводом тарыхтел, как отбойный молоток, – на месте плесени я бы даже пытаться не стал.

«Хён, откуда ты знаешь, как выглядел чужой осушитель воздуха?» – наверное, спросите вы (ха-ха, вряд ли). Ответ прост: у деда был еще и винтажный японский магнитофон кассетник, и меня так завораживало это антикварное устройство, что я часто подкрадывался к его окну послушать музыку. Зайти дед меня не приглашал, но всегда делал музыку громче, когда я останавливался под окном.

Особенно он любил музыку белых. По-английски я понимал только «лав» и «хейт», но в самом пении было что-то волнующе-экзотическое, и я искал потом по всему интернету треки, которые он включал. Так я открыл для себя Дэвида Боуи, «Роллинг Стоунз» и много кого еще.

Родной *k-pop* дед не слушал (возможно, потому, что эра бойз-бэндов не совпала с эрой кассет), но сейчас, пробегая по раскаленной улице мимо его окна под звуки группы «U2», я все равно притормозил.

– Господин Ким! – крикнул я. Радость бурлила во мне, как пузырьки газировки. – Я иду на прослушивание в группу!

Мама сейчас не могла разделить со мной мою радость, но дед-то – фанат музыки, он поймет! Дед тут же выглянул из окна: в его лачуге была только одна комната, так что далеко идти не пришлось.

– Соседский парень... – протянул он. Я впервые видел его так близко. – Я думал, ты немой.

И только тут я понял, что за три года с момента нашего переезда сюда я не сказал деду ни слова.

– Простите, господин Ким. – Я торопливо поклонился, улыбаясь так, что почувствовал все мышцы в собственных щеках. – Меня зовут Ли Син Хён! Спасибо за музыку! – И помчался дальше прежде, чем он успел ответить.

В окне поезда я увидел свое размытое, темное отражение, и только тогда до меня дошло, что я все в той же одежде, в которой вчера ходил целый день, а потом завалился спать. Но возвращаться не стал – меня гнал вперед страх, что на кастинг явится какой-нибудь неотразимый претендент, и тогда пиши пропало. Я лихорадочно напевал себе под нос каждую секунду: в вагоне метро, на переходах и эскалаторах. Иллюзия не пропадала, голос был магнетически прекрасным. Люди улыбались, когда слышали меня.

На станции «Диджитал Медиа Сити» Сеул был совсем не таким, как около моего дома, и даже не таким, как в центре: полный футуризм, только космических кораблей не хватает. Дома, похожие на стеклянные кубы, непонятные арт-объекты, стильные кафешки с английскими названиями. Чтобы посмотреть на верхние этажи зданий, надо так голову запрокидывать, что можно себе шею сломать. Я быстрым шагом дошел до бизнес-центра с огромной буквой «Сиот». Бежать я боялся, мокрая от пота спина – не лучший вид для кастинга в «Тэянг». От слов «кастинг в „Тэянг“», произнесенных даже мысленно, в груди у меня сладко заныло.

В бизнес-центре было холодно – кондиционер работал на полную мощность. Я поежился, оглядывая стойку ресепшена, турникет и охранника. Огонек на турникете горел красным – понятно, что надо приложить бейдж, иначе не пройти. Мне страстно захотелось сбежать, но я заставил себя подойти к турникету.

– Добрый день. Я на кастинг в «Тэянг».

Охранник спокойно кивнул – значит, кастинг действительно здесь!

– А вы не спешили. Остальные тут с утра.

Я поклонился:

– Простите. Я... предупреждал, что приеду позже.

Охранник поднял планшет и мазнул пальцем вверх по экрану.

– Имя?

Я назвал в надежде, что Лис решил этот вопрос. Если уж он создал для меня фальшивые награды с конкурсов, на которых я не бывал, то и со списком наверняка разобрался.

– Такого имени нет. – Еще несколько движений пальцем по экрану. – Вы должны уйти.

Лицо охранника стало жестким – решил, я чокнутый фанат. Воцарилась тишина. Рассердившись на Лиса – ну что ему стоило! – я прибег к отчаянным мерам: запел первый куплет хита «Тэянг» «Океан любви».

Взгляд охранника невольно смягчился. В огромном холле голос резонировал так, что я и сам мурашками покрылся. Но стоило мне закончить петь, он покачал головой, будто стряхивал наваждение.

– Тебя нет в списке, остальное – не мое дело. Звякни тому, кто тебя пригласил. Скажи, что забыли внести.

Я несколько раз кивнул, попятился, а потом разбежался и, оттолкнувшись руками от опор турникета, перепрыгнул его. Вообще-то я не дохляк: годами таскал и резал продукты по

двенадцать часов в день, тут любой накачается. Главное – не думать, какую дичь творишь. Кажется, резким броском я немного выбил себе плечо, зато ноги взметнулись в воздух, и я успешно приземлился по другую сторону турникета.

У охранника на поясе был шокер, это я сразу заметил, но он так оторопел от моей выходки, что потерял драгоценные секунды на удивление, и я бросился к лестнице.

– Стой! – предсказуемо крикнул он.

Но я, конечно, не остановился.

Лифты меня бы подвели – если они не на первом этаже, охранник догонит, – поэтому я сразу бросился к лестнице. В кафе по телику недавно показывали фильм про гормоны, и там было сказано, что адреналин в минуты опасности придает нам невероятную силу. Вот сейчас я почувствовал это на себе: лестничные пролеты так мимо и мелькали. Только парочку этажей спустя я понял: здание высоченное, и откуда мне знать, на каком этаже кастинг? Я влетел на ближайший этаж, отчаянно озираясь. Расходящиеся в трех направлениях коридоры, одинаковые двери с номерами, кофейный аппарат и никаких прослушиваний – да что ж такое! По коридору навстречу мне шла женщина в офисной одежде. Я подбежал к ней и умоляюще выпалил:

– Здравствуйте! Где кастинг в «Тэянг»?

Ее усталое лицо осветилось слабой улыбкой, и я возблагодарил жизнь за то, что у «Тэянг» много фанатов. Мы все – большая семья, и у нас один общий секрет: парни, которых мы никогда не встречали, помогают нам преодолевать трудности собственной жизни. Дверь, ведущая с лестницы, распахнулась, и на этаж выскочил охранник. Он задыхался – похоже, нечасто ему приходится так бегать, – и я с мольбой глянул на женщину. Она молча толкнула меня в ближайший кабинет и шагнула следом, захлопнув дверь.

Мы помолчали, глядя на дверь, но по ту сторону было тихо. Кажется, еле живому от бега охраннику не хватило одной секунды, чтобы оглядеть все коридоры и заметить меня.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Их самих я не видела, – тихо сказала женщина. У нее было круглое, немного помятое лицо с ярко накрашенными глазами. – Тут только продюсеры. Но если ты их увидишь, передашь записку Линхо?

Изысканного, стильного Линхо особенно любили за то, как он танцует. У него были танцевальные соло-фрагменты почти во всех клипах, он часто показывал видео своих тренировок и вечно пил коктейли из зеленых овощей. У меня он среди членов группы был на последнем месте. Женщина отступила к столу и торопливо нацарапала что-то на листочке с клейким краем, сложила его в несколько раз и двумя руками, как подают подарки, протянула мне.

– Обязательно передам, если увижу его. – Я уважительно принял записку двумя руками и сунул в карман.

– Шестой этаж, офис шестьсот двадцать семь, – сказала женщина и вдруг усмехнулась. – У нас в здании все, кажется, раз по десять мимо него прошли, вдруг их увидим. Ладно, идем, это не мой кабинет, Мира может вернуться.

В роскошном лифте с зеркальными стенами мы доехали до шестого этажа секунд за пять. Я прижал ладонь к карману, где лежала записка, глубоко поклонился и вышел.

Шестой этаж поразил мое воображение – или, точнее, то, что здесь происходило. Никаких тесных коридоров – широкие пространства, стеклянные переговорные, диваны тут и там. На диванах, уткнувшись в телефоны, сидело не менее трех десятков невероятно красивых парней. У меня аж сердце захолонуло – я решил, что «Тэянг» где-то среди них. Но мне тут же стало ясно, что стильные прически и покрашенные в разные цвета волосы не делают этих парней ребятами из «Тэянг». Хотя собрались они как раз для того, чтобы попасть в группу: у каждого на груди был стикер с номером. Каких только причесок тут не было! И длинные волосы, и

яркие цвета, и выбритые виски. Я поправил огромную футболку из секонд-хенда и пальцами кое-как зачесал свои жесткие волосы назад.

Кастинг проходил не в стеклянной переговорной, а в офисе с настоящими стенами – оттуда как раз вышел парень с синим ирокезом.

– Номер сорок шесть, – объявила девушка с бейджем на шее, встав в дверном проеме.

Один из парней вскочил с дивана, но я оказался быстрее. Наплевав на приличия, проскользнул в дверь мимо девушки – и замер.

Глава 4 Добро пожаловать

За длинным столом сидели трое, и двоих я сразу узнал. Мужчина в дорогущих на вид очках – продюсер группы Хан Ын Сок. Женщина в спортивной кепке и клетчатой мужской рубашке – хореограф. Она часто присутствовала на видео танцевальных репетиций «Тэянг». Как же странно смотреть вживую на тех, кого раньше видел только на экране! Оба выглядели более уставшими и серьезными, чем на видеозаписях. Свежее всех была женщина номер три – ухоженная, красивая, в белом пиджаке. Взгляды всех троих скользнули к моей груди, где не было стикера с номером.

– Сорок шесть – это я! – дрожащим от волнения голосом крикнул парень в дверях.

Девушка с бейджем, часто кланяясь, испуганно теснила меня к двери, но я обогнул ее и упрямо пошел к столу. Остановился перед ним и, стараясь не обращать внимания на мучительный ужас, от которого перехватило горло, запел.

Эту песню «Тэянг» я впервые услышал в тот год, когда мне исполнилось шестнадцать. Релиз был в декабре, я как раз получил работу в кафе, и «Не влюбляйся» постоянно звучала из телика, из кофеен, из проезжающих мимо машин.

*Давай не влюбляться,
Мы же разные, ты и я,
И мне не угнаться:
Ты такая крутая, а я?*

Легенду о происхождении Кореи все знают, хотя она, если честно, довольно глупая: небесная фея пела о своей любви лавровому дереву, и от их союза зародились наши предки. В тот момент, допевая куплет, я подумал, что Лис словно дал мне древний голос, великий, нечеловеческий – так пели древние существа, когда люди еще не заселили полуостров. Никто не прервал мое пение, не попытался меня выставить. Девушка с бейджем, трое за столом, даже парень номер сорок шесть – все замерли, слушая чистейшие ноты, которые ласкали слух нежно, как поцелуи.

– Вы кто? – спросил продюсер, когда я закончил. Он, единственный из всех, выглядел недовольным. – Уходите, у вас нет номера.

– Я не уйду, – с поразившей меня самой твердостью сказал я.

Продюсер уставился на меня так, будто никто никогда еще не смел ему перечить. Он был невероятно худым и высоким, с яркими темными глазами, – когда-то в юности он и сам отлично подошел бы внешностью для бойз-бэнда. Виски у него поседели, но он их не закрашивал, и это показалось мне очень стильным и смелым для человека из шоу-бизнеса. Словом, продюсер мне понравился, а вот я ему – нет.

– Уходите, – с нажимом повторил он. Похоже, для него красота голоса не компенсировала нарушения правил.

– Мой голос – лучший, – отчаянно выпалил я. – Простите за дерзость, но у меня есть предложение на сольный контракт от другого лейбла, мне нужно дать им ответ.

– Я вам не верю.

Щеки у меня вспыхнули от стыда. Какой проницательный человек! Но оставалось только гнуть свою линию. Проповеди о том, что с пути греха не свернуть, когда уже на него ступил, обожгли мою память, и я изо всех сил задвинул воспоминания подальше.

– Моего решения ждет лейбл, – без зазрения совести соврал я. – Я должен быть практичным, но выступать в группе всегда было моей мечтой.

Я глубоко, формально поклонился, прижав ладони к бедрам, чтобы смягчить свою дерзость. Только сейчас я заметил, что дверь в коридор закрыта: девушка с бейджем скрылась, прихватив парня с номером.

– Выйдите, – повторил продюсер.

Кажется, с наглостью я все же перегнул палку, но тут за меня вступилась красивая женщина в белом пиджаке.

– Ын Сок, – сказала она с упреком, – я такого фантастического голоса в жизни не слышала. – Она повернулась ко мне: – Где вы были раньше?

– Я доверяю твоему мнению, – сказал продюсер, не отводя от меня глаз. – Но в этот раз ты ошибаешься, парень ничего особенного из себя не представляет.

Похоже, он был по-настоящему зол, что я посмел ему возражать. Вот ухитрился же я с самого начала настроить против себя самого главного человека в группе!

– Как вас зовут? – ласково спросила госпожа в белом пиджаке.

– Ли Син Хён, – машинально ответил я.

Она тут же вытащила телефон, и я сообразил: она ищет меня в интернете. Я закусил губу от ужаса. Вот теперь меня точно выставят.

– Ну вот! – довольно воскликнула она. – Да, он не был стажером в продюсерских центрах, но какая карьера! Мне кажется, я даже слышала его имя. Он выиграл кучу вокальных конкур-

сов, причем один в Китае. И в Европе выступал! Потрясающе, что даже после перестройки голоса он сохранил такие вокальные данные! Ты вообще слышал, как он поет?

– Слышал. – Продюсер неласково посмотрел на меня. – Мы выставляем кандидатам баллы по четырем критериям: вокал, рэп, танец и внешность. Ваших видео мы не видели, внешность, если честно, не впечатляет. Покажите танец и рэп.

Ну, с рэпом я даже начинать не стал, чтобы не позориться. Танцы в стиле *k-pop* я одно время учил по видеоурокам в интернете и сейчас показал несколько движений. Все трое посмотрели на меня с жалостью.

– Мы теряем время, зовите следующего, – отрезал продюсер. – Нам что, до вечера тут сидеть?

Госпожа в белом пиджаке подошла ко мне, продолжая смотреть только на продюсера.

– Ын Сок, не пори горячку. Прежде всего, поверь мне как женщине: он симпатяга. Тут нет ничего, что нельзя исправить с помощью стилиста. И нос вполне приличный, даже резать не придется.

Ха, я знал, я так и думал, что все в шоу-бизнесе пластику делают!

Госпожа в пиджаке вдруг хлопнула меня по щеке и широко улыбнулась. Я от такой фамильярности вытаращил глаза.

– Давай так, – сказала госпожа, бесстрашно глядя на продюсера. – Я позволю тебе его выгнать, если ты, не подглядывая в заметки, с ходу назовешь трех сегодняшних кандидатов, которые тебе понравились. Ну что ты молчишь? Мы сорок человек посмотрели! Люди поют, танцуют, читают рэп, и я тоже мало кого могу вспомнить. А его голос забыть невозможно. Я тебе уже говорила: не имеет смысла брать средненького кандидата с хорошими баллами по всем пунктам. Нужно что-то яркое, незабываемое для фанатов, а этого они точно полюбят. Пусть обсуждают, что он плохо танцует, – тем интереснее им будет следить за его преображением. Если хорошо потрудимся, за месяц подготовим к дебюту, уж на один танец его как-нибудь хватит. – Продюсер насупился, и госпожа резко закончила: – Мне нравится этот. Берем?

Да кто она такая, что может вот так говорить с самим Хан Ын Соком?! Женщина и продюсер смотрели друг на друга, как в тех фильмах, когда герои вот-вот начнут перестрелку. Я помалкивал. Три года работы с моим взрывным боссом научили меня тому, что есть моменты, когда лучшая стратегия – просто заткнуться.

И тут раздался голос женщины в кепке, которая до этого не произнесла ни слова.

– Ну, он ужасен, конечно. Но голос – просто чума, я мурашками от кайфа покрылась. Еще и очаровашка, напористый такой. Как хореограф, я против него, он – бревно. Но как женщина – очень даже за. Ну и все, а то я уже весь зад себе отсидела. – Она встала, не глядя на продюсера, и хлопнула ладонями по столу. – Господин Хан, не тяните. Мы и так знаем, чем ваш спор закончится.

Продюсер сжал зубы. Благодаря боссу я научился кое-чему еще: различать малейшие изменения в мимике, особенно в том спектре, который представляет собой разные виды гнева. И продюсер сейчас был не просто зол, он был в лютой, едва сдерживаемой ярости.

– Это «да»? – медовым голосом спросила госпожа, хотя более громкого молчаливого «нет» я даже вообразить не мог. – Ну и отлично. Подавай документы генеральному, Ын Сок, а я отвезу парня.

Продюсер коротко глянул на меня и встал. Этот взгляд обещал, что я еще пожалею о своем приходе сюда. Но сейчас я был слишком ошарашен, чтобы думать об этом. Неужели получилось?! Не может быть! Продюсер распахнул дверь в коридор и ледяным тоном проговорил:

– Со Ён, кастинг окончен. Всех по домам.

Он вышел за дверь, женщина-хореограф подмигнула мне и ушла с ним. Мы остались одни с красивой госпожой. Она засмеялась, как девчонка, и постучала изящными кулачками друг о друга.

– Ура-ура, да? Ну, поехали в учебный центр. Семья знает, что ты пошел сюда на кастинг? – Я помотал головой. – Тогда позвони им и скажи, что уехал на недельку и там связи не будет. Придумай что-то правдоподобное.

Я вытащил телефон и торопливо набрал маму. Все происходящее казалось нереальным, будто я в компьютерной игре, даже обрадоваться как следует не получалось.

– Мама, привет, – твердо сказал я, и у меня сжалось сердце, когда она нежно, как всегда, ответила мне. – Мам, меня тут пригласили на... на остров Чеджудо с концертом. Все оплатят, но звонить оттуда нельзя – там какое-то очень секретное мероприятие. Я тебя люблю и позвоню как только смогу, хорошо?

Лгать оказалось так просто, что мне стало тошно от самого себя. Секунду я ждал, что мама удивится: «Что ты несешь, Хён, какой концерт на Чеджудо?!» – но она лишь сказала:

– Хорошо, сынок. Ты молодец. Позвони, как сможешь.

Я нажал на отбой, и госпожа внезапно забрала у меня телефон. Я не сопротивлялся. Вся моя жизнь была связана с мамой, с заботой о ней, а сейчас эта жизнь закончилась так стремительно, и мне стало куда грустнее, чем я мог себе представить.

– Кому-то еще надо позвонить? – спросила госпожа в пиджаке так, что я почувствовал: «нет» – единственный верный ответ.

– Нет.

– Надо, чтоб ты пока ни с кем лишним не пересекался. Мы должны подумать, как подать тебя публике. Идем, надо тебя в порядок привести.

Из здания мы вышли через какой-то запасной выход, как шпионы. Госпожа посадила меня в роскошную тачку, села за руль и выехала с парковки. Я еще никогда так близко не видел женщину, которая сама бы водила машину.

– Госпожа, разрешите спросить? – решился я. – А вы... Кто?

Она с юмором глянула на меня:

– Много будешь знать, скоро состаришься. Но мне нравится, что ты такой дерзкий, для группы это то что нужно. Можешь звать меня Бао.

Она включила радио, и я понял: разговор окончен. Мы ехали на юг, я сидел на заднем сиденье очень прямо, чтобы не тереться лишний раз о роскошную обивку – машина была просто идеальная, нигде ни пылинки, ни пятнышка.

– Ты знаешь английский? – вдруг спросила Бао.

Я покачал головой. Врать смысла не имело, слишком легко проверить. Если бы ко мне однажды подошел белый турист и спросил дорогу, я бы испуганно тараторил на него, как персонаж какой-нибудь статьи под названием «Почему туристу в Сеуле лучше гулять только в центре и не ходить в район Мапо-гу».

Мы въехали на закрытую парковку красивого нового здания – так вот где штаб-квартира «Тэянг»! Точное место никогда не показывали в соцсетях, чтобы фанаты не дежурили там днями и ночами. Бао повела меня невыразительными коридорами, где пахло чистящим средством, приятным, как духи, и распахнула дверь комнаты. Я ошарашенно огляделся – красиво, как в отеле. Плотные шторы, бежевые обои, на полу – застеленный свежим бельем матрас, за дверью видна чистейшая ванная.

– Подготовили все для нового участника, – сказала госпожа, листая что-то в телефоне. – Вымойся и жди в халате, одежду тебе дадим новую. Я через полчаса за тобой вернусь. Но для начала выверни, пожалуйста, карманы.

Из карманов выпала только записка от женщины, спасшей меня от охранника.

– Это для Линхо, меня... меня попросили передать, – пролепетал я. – Это важно.

Госпожа развернула записку, прочла, хмыкнула и свернула обратно.

– Сам передашь.

Она осмотрела мои запястья, убедилась, что часов нет – я ведь мог с них кому-нибудь позвонить, – и ушла. А я вымылся, завернулся в огромный белоснежный халат и только тут сообразил: как же я узнаю, что прошло полчаса? Часов нигде не видно. Я прилег на матрас и застонал от наслаждения: какой же удобный! Ладно, услышу, когда дверь откроется, и тут же сяду. Я прикрыл глаза – и от всех потрясений немедленно заснул. Проснулся с тяжелой головой, лучше бы и не спал. В воздухе витал приторно-сладкий запах дыма, я кое-как разлепил глаза – и уставился на парня, сидевшего на полу около моего матраса.

В огромной бледно-лиловой футболке и черных спортивных брюках, босой, он сидел и курил вейп, крепко сжимая его в кулаке. Он понял, что я проснулся, но даже бровью не повел. Не встал, не представился – продолжал сверлить меня неподвижным, как у ящерицы, взглядом и глубоко затягиваться ароматным паром. Мой взгляд невольно поднялся к потолку, где висел детектор дыма. Парень тоже туда посмотрел.

– Это реально все, что тебя в данной ситуации интересует? – смутно знакомым голосом спросил он. – Забей, на вейп они не реагируют.

Я приподнялся на локтях. Видимо, это какой-то местный работник. Как же с ним поздороваться: формально или достаточно обычного «привет»?

– Здравствуйте, – наконец выбрал я. Парень слегка нахмурился, и я торопливо исправился: – Привет. Добрый день. Я... – А вдруг мне нельзя говорить всем подряд, кто я? – ... Мне сказали ждать здесь.

На лице парня было написано, что он ждал какой-то другой реакции. Мы долго смотрели друг на друга. У меня в голове крутилась глупая мысль, что стрижка ему очень идет: прямая густая челка и выбритый затылок. Лицо у него было самое обычное, даже не скажешь, что он в шоу-бизнесе работает: скулы широкие, глаза немного опухшие, уши торчат.

– Ты меня не узнал? – наконец спросил он.

Я виновато улыбнулся. Может, это какой-то помощник маркетолога или хореографа и он был на видео тренировок, но я его совершенно не помнил. Взгляд был отчего-то знакомый, но узнавание прокатилось по краю сознания и исчезло. Парень склонил голову набок:

– Ты прикальываешься, козел?

Нельзя ссориться с работником продюсерского центра в первые минуты знакомства! Просто не буду признаваться, что смотрел все видео группы в соцсетях, тогда с меня взятки гладки. Я быстро сел на корточки и поклонился ему, сложив руки на коленях.

– Извини, – миролюбиво сказал я. – Я в последнее время так много работал, наверное, пропустил что-то. Ты... – Ладно, вдруг попаду пальцем в небо. – Ты хореограф?

Парень затянулся своей сигаретой так, что в ней что-то забулькало. Лицо его помрачнело, хотя, казалось, куда еще мрачнее.

– Ты пишешь песни для группы? – убитым голосом попытался я еще раз.

– Ну ты и чудик. Ладно, это будет забавно. – Он резко встал. – Слышал, ты своим пением всех уделал на прослушивании. Жду не дождусь репетиции.

В его голосе мне почудилась нотка не то угрозы, не то насмешки.

– Эй... – неуверенно начал я. – А ты давно тут? Бао сказала, что через полчаса вернется, но у меня... – Я бессильно всплеснул руками. – Часов нет.

Брови незнакомца поползли вверх.

– С чего это ты зовешь ее по имени?

– Она так велела.

– Дурдом какой-то. Сейчас придет, куда она денется. – Он смотрел на меня так, будто я не то оскорбил его, не то напугал. – До встречи, чудик.

Парень вышел за дверь, и я тут же вскочил. Оставшиеся пять минут до прихода Бао я крутился перед зеркалом, лихорадочно пытаюсь привести себя в порядок, чтобы лучше вписываться в местное общество. Мне не хотелось выглядеть, как «козел и чудик», поэтому я наскоро побрился одноразовым прибором, который нашел в шкафчике, умылся и зачесал назад волосы. На этом этапе Бао и вернулась.

Я выскочил ей навстречу из ванной и успел увидеть, как при входе в комнату ее лицо из приветливого стало недовольным.

– Ты тут куришь? – Я замотал головой, но ее это не убедило. – Не ври, я чувствую запах! Отдай немедленно – курение тут строго запрещено.

Она сурово протянула ладонь в мою сторону. Проще всего было сказать, что ко мне приходил какой-то парень с вейпом, но, во-первых, это звучало как отмазка, во-вторых, я и так произвел на парня отстойное впечатление, а судя по словам «до встречи», он выполняет тут какую-то важную работу и мы еще пересечемся. У него был такой острый, пронизывающий взгляд, что я не сомневался: он как-то узнает, если я на него нажалуюсь. Вот отстой!

– Госпожа Бао, простите меня. – Я опустил голову. – Такое не повторится. – Она продолжала протягивать руку в мою сторону, и я брякнул:

– У меня была одна сигарета. Я хранил ее для самого счастливого момента в жизни.

Меня снова царапнуло прямо по сердцу ощущением того, что я пошел по кривой дорожке: лгу в который раз за день и не краснею.

– Лучше не разочаровывай меня, – сурово сказала Бао и жестом позвала за собой. – Тебе повезло на кастинге, но я могу и передумать.

Я смиренно что-то пропыхтел.

Десять минут спустя я сидел в ярко освещенной комнате, похожей на парикмахерскую, а бритый наголо мужчина с пирсингом в носу меня разглядывал. Никогда не видел его в материалах о группе, но вел он себя как знаменитость, – я решил, что тут, видимо, так ведут себя все. Мне казалось, стилисты должны быть с ярким маникюром и стразами на лице, но этот был явно не из таких.

– Сделаю сам, никого не надо. Лишние люди – лишние уши, – сказал он и начал стричь мне волосы.

Оценить его работу я не мог – меня усадили подальше от зеркал. Закончив стрижку, бритый нанес мне на волосы какую-то мокрую смесь, подпилит ногти, больно выщипал в бровях лишние волоски и прилепил на лицо холодную листовую маску, пахнущую женьшенем. Госпожа Бао не уходила – сидела в кресле и быстро набирала что-то в телефоне.

Часа полтора спустя меня подвели к зеркалу. Вообще-то не так уж много во мне изменилось, но стрижка была отличная, волосы стали ярче и нестерпимо блестели. Они что, перекрасили меня из черного в черный? Прикольно!

– Очень круто, – сказал я, чтобы сделать приятное стилисту. – Благодарю вас, господин, вы замечательно потрудились.

Стилист хмыкнул.

– Да, понял тебя. – Он весело повернулся к Бао. – Макнэ из него что надо, четырнадцатилетние девочки с ума сойдут.

Макнэ, или младший, в любой группе всегда был самым милым, вежливым и славным из участников. Прошлый макнэ – Кибом – был именно такой. Ну, пока не впал в депрессию и...

– Одевайся. – Бао протянула мне стопку аккуратно сложенной одежды. – Мы выбрали тебе наряд для встречи с группой.

– Ой. – Я благодарно принял одежду двумя руками и сразу заметил, что мне даже трусы и носки выдали новые. – Простите, что не прихватил ничего своего. Надо было взять на кастинг, да?

– Твоя одежда нам тут не нужна, – фыркнула она.

Я натянул белье и джинсы под халатом и только потом снял его. Бао со стилистом критически смотрели на мой торс, пока я торопливо натягивал футболку.

– Ну хотя бы не дохлятина, – констатировал стилист. – Мышцы есть, но килограммов пять сбросить надо.

Я удивленно глянул на него, шнуруя новые кроссовки. Чего-чего, а лишнего веса у меня точно не было.

– Сделаем, – сказала Бао. – Тело у него так себе, конечно. Плечи узкие, но одеждой компенсируем.

У меня невольно покраснели уши. Они все время говорили так, будто меня тут вообще нет, и это задевало. А еще очень хотелось есть, но я боялся признаться: не хотелось выглядеть капризным и требовательным.

Бао повела меня за собой, а я от голода даже не мог радоваться или волноваться в полную силу. Но мысли о еде сразу испарились, когда мы подошли к двери, за которой раздавались голоса. Я их сразу узнал.

Низкий, хриловатый голос Джо, надменные высокие ноты Линхо, дерзкий и такой родной голос Пака. Похоже, они о чем-то спорили. Я что, сейчас правда встречу группу «Тэянг»? Пол начал медленно уходить у меня из-под ног, и я прямо пальцами сквозь кроссовки в него вцепился.

– Произведи хорошее впечатление, – сказала Бао, но это совсем не помогло мне успокоиться. – Немного позитивной энергии нам тут не повредит.

И она распахнула дверь.

Разговор тут же стих, все трое уставились на меня. Комната оказалась небольшим конференц-залом – стеклянный стол, флипчарт на стене. Я ошарашенно оглядел участников. Линхо, крутейший танцор и вокалист, смотрел на меня так, будто искренне желал мне провалиться сквозь землю прямо сейчас, по глазам мачо и рэпера Джо ничего прочесть было невозможно, а третий...

Мой взгляд снова заметался по комнате в поисках Пака, но его не было. Вместо Пака рядом с Джо стоял тот парень с вейпом, только сейчас – без вейпа. Он был все в той же лиловой футболке, руки засунуты глубоко в карманы спортивных брюк, а выражение лица ясно говорило: «Выкусил, козел? Я же говорил, что мы еще встретимся». Так дворовая шпана смотрит на неудачников, поджидая их в подворотне на пути из школы.

– Ребята, представляю вам нового участника! – преувеличенно бодро воскликнула Бао: кажется, она тоже почувствовала, что градус неприязни в конференц-зале с моим появлением взлетел до небес. – Это Ли Син Хён, фантастический вокалист. Ребят ты знаешь, Хён, но давай для порядка я вас представляю. Это Линхо, лидер группы.

Она показала на Линхо, который в ответ на мой поклон даже головы не наклонил. Холодной вежливостью в этой ситуации считалось бы слегка кивнуть. Его неподвижную позу можно было прочесть только как «пропади пропадом, сгни и исчезни».

– Это Джо, наш блистательный рэпер, – уже с некоторой опаской сказала Бао.

Джо слегка кивнул, а я с немым вопросом повернулся к третьему парню: да кто это вообще такой?!

– А это Пак, наш прекрасный визуал, лицо группы.

Я уставился на парня номер три, в голове – одни ругательства и ни одной связной мысли. Тот с вызовом смотрел на меня.

Пять лет я каждый день любовался на Пак Ин Сона в своем телефоне, и это абсолютно точно был не он.

Глава 5 Фальшивка

Молчание затянулось настолько, что Бао встревоженно потерла руки.

Фальшивому Паку я не поклонился, просто таращился на него, пытаюсь сообразить, зачем меня так глупо разыгрывают. Может, стоило притвориться, что я им поверил, и посмотреть, что будет дальше. Еще накануне я бы так и поступил: ни во что не лезь, молчи, так безопаснее. Но Пак из «Тэянг» был для меня самым особенным человеком на свете. Его взгляд, его голос поддерживали меня, когда все казалось безнадежным, и поэтому...

– Где настоящий Пак? – спросил я.

– Хён, ты в порядке?

Как Бао ни старалась, чтобы это прозвучало заботливо, получилось что-то вроде «еще один промах, и вылетишь отсюда, как футбольный мяч».

Несмотря на это, я продолжил:

– Это не он. Зачем вы так?

– Он еще и поехавший. – Шепот Линхо в тишине прозвучал очень громко. – Везет нам, как всегда.

– Ли Син Хён, прекрати этот цирк, – не выдержала Бао. – Мы идем репетировать.

– Если ты нам не подойдешь, придется тебя убить, ты же нас видел, – философски протянул Линхо. – Нельзя после этого дать тебе разгуливать на свободе.

– Да хватит уже! – простонал Джо. – Мы должны были кофе выпить, подружиться и все такое – нам, вон, даже печенье принесли! И чего опять началось?

Посреди стола и правда стояла корзинка со сладостями.

– Кофе перед репетицией вредно, – огрызнулся Линхо, хотя на печенье глянул с жадностью голодающего. – Ладно, идемте. Сомневаюсь, что он реально поет, как Джон Леджэнд, но уж давайте послушаем.

Меня обожгло обидой. Когда босс хотел меня за что-нибудь наказать, он отдавал приказы так, будто говорил с мебелью. Я уже не в кафе, а ничего не изменилось. Даже любимая группа надо мной потешается, еще и фальшивого Пака подсунули – небось подговорили какого-нибудь осветителя его изобразить!

– Чего завис? – сухо спросил Линхо. – С голосами в голове общаешься?

Не знаю, как так вышло: я всю жизнь здорово умел подавлять гнев, а тут от разочарования и голода прямо пробки вышибло. Я подошел к Линхо вплотную.

– Ты бы на меня не наезжал, – очень тихо, чтобы не услышала Бао, сказал я. – Я в кафе подрабатывал, по двенадцать часов с ножом в руке проводил.

Я сам похолодел от того, как ужасно это прозвучало. Линхо, и так всегда бледный, как реклама крема для отбеливания кожи, побледнел еще сильнее, фальшивый Пак рядом присвистнул, Джо устало сжал переносицу.

– А все, чего я беспокоюсь, – пробормотал Джо, не разжимая пальцы. – Группу не спасти, давайте ее прямо сегодня похороним? Линхо вон уже в черном, а новенький нам земли лопатой подбросит.

Бао, которая уже вышла в коридор, чтобы сопровождать нас в репетиционный зал, заглянула обратно.

– Вы скоро? – нежно спросила она, мечта взглядом молнии.

Псевдо-Пак сдвинулся с места первым и прошествовал за дверь, косясь на меня через плечо. Мы встретились глазами, и меня словно током ударило. Взгляд почти как у настоящего Пака. Может, это его некрасивый брат, которого позвали специально для розыгрыша? Хотя вообще-то я помнил: у Пака – две младшие сестры, которые вместе с родителями остались в Ульсане, после того как его выбрали столичные продюсеры на детском талант-шоу.

Я безнадежно оглядел своих кумиров. Линхо всегда казался мне самовлюбленным павлином, и надо же, таким и оказался. Рэпер в любой группе – всегда самый brutальный участник, бэд бой и мятежное дитя улиц, но Джо, несмотря на идеально подкачанные плечи, казался ленивым и вялым, будто его принесли сюда спящим и разбудили только перед моим приходом. О Паке лучше вообще не думать. Я вздохнул. Слова, что мечтам лучше оставаться мечтами, поскольку реальность разобьет их, как океанская волна, впервые в жизни перестали казаться мне тупой присказкой для неудачников.

Репетиционную студию «Тэянг» я часто видел в соцсетях, и все печали забылись, стоило мне переступить ее порог. Так чувствовал бы себя художник, оказавшись в студии знаменитого мастера, или фанат бадминтона, попавший в раздевалку самого Ко Сун Хьюна. В общем, вы поняли: мне захотелось пасть ниц и поцеловать пол, сфоткаться с барабанной установкой, а потом показать эту фотку маме.

– Не буду вам мешать, – улыбнулась Бао. – Надеюсь, через часик вы уже споетесь и порадуете меня песней.

Что-то в ее голосе сказалось мне, что это не пожелание, а приказ. Я поклонился. Когда за Бао закрылась дверь, воцарилась тишина, которой звукоизоляция на стенах придавала особо гробовую нотку.

– Бао сказала, ты – улетно крутой ребенок-гений, который вырос в гения-взрослого. – Линхо повернулся ко мне. – И откуда такой подарочек к нам прибыл?

Говорил он нагло, но с опаской, и держался от меня подальше: видимо, реально боялся, что я могу напасть. А я был слишком занят, чтобы бодаться с Линхо: ждал, когда настоящий Пак с криком «Сюрприз!» распахнет дверь.

– Давайте петь? – хитро предложил я, надеясь, что с самозванцем петь у нас не получится, и им придется объяснить, в чем дело.

Но возражать никто не стал. Парни разошлись по студии и начали возиться с микрофонами, а я струхнул, сообразив, что не умею тут ничем пользоваться. В микрофон я пел раза три за всю жизнь – в караоке. И я решил: немедленно поражу всех своим голосом, а с техникой буду потом разбираться.

Как на прослушивании, я затянул первый куплет «Не влюбляйся». Я уже немного привык к тому, какое впечатление теперь произвожу. Даже стараться не приходилось, голос сам все делал. Линхо и Джо слушали так, будто мое пение обратило их в соляные столбы. Я представил, что Пак, когда явится, будет вот так же меня слушать, и покрывлся мурашками.

Но тот, кого поставили его заменять, настороженно хмурился – получается, судя по нему и продюсеру, дар Лиса не всемогущ. Если ты кому-то сильно не нравишься, голос очаровывает его меньше, чем остальных. А вдруг я не понравлюсь фанатам группы и меня отсюда выгонят? Ладно, у меня есть время дождаться Пака, а потом хоть трава не расти. Занятый этими мыслями, я допел куплет.

– Улетно, – выдохнул Джо. – Ребят, мы спасены.

Линхо фыркнул, стараясь не показать, как впечатлен. Третий вообще не отреагировал – изучал меня еще пару секунд, потом отвернулся к синтезатору.

– Значит, поем «Не влюбляйся», – пренебрежительно сказал Линхо. – Он, похоже, хотя бы слова знает.

– У меня есть имя, – отрезал я, испуганный и разозленный отсутствием Пака: у меня внутри уже который раз запускался обратный отсчет до его появления, доходил до нуля и запускался снова. – Я – Ли Син Хён. Можешь звать меня просто Хён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.